

Сто часов счастья поэтессы Вероники Тушновой.

Тушнова Вероника Михайловна – известная русская поэтесса. Ее волнующие душу стихотворения наполнены лиризмом и удивительно бережным отношением к любви.

*Не отрекаются, любя,
Ведь жизнь кончается не завтра,
Я перестану ждать тебя,
А ты придёшь совсем внезапно,
Не отрекаются, любя.
А ты придёшь когда темно,
Когда в окно ударит вьюга,
Когда припомнишь, как давно
Не согревали мы друг друга,
Да, ты придёшь когда темно.
И так захочешь теплоты
Не полюбившейся когда-то,
Что переждать не сможешь ты
Трёх человек у автомата,
Вот как захочешь теплоты.
За это можно всё отдать,
И до того я в это верю,
Что трудно мне тебя не ждать
Весь день, не отходя от двери,
За это можно всё отдать.
Не отрекаются, любя,
Ведь жизнь кончается не завтра,
Я перестану ждать тебя,
А ты придёшь совсем внезапно,
Не отрекаются, любя.*

Вся страна зачитывалась этими стихами. Влюблённые советские женщины переписывали их от руки в тетрадки, потому что достать сборники ее стихов было невозможно. Их заучивали наизусть, их хранили в памяти и сердце. Их пели.

Уроженка Казани выросла в семье профессора медицины Тушнова Михаила Павловича и Постниковой Александры Георгиевны. Семья Веры до революции жила достаточно благополучно, а затем все рухнуло. В воспоминаниях Веры мама прячется с ней от обстрела по подвалам, вокруг все горит и грохочет. Тиф, голод, гражданская война, смерть и разруха, приход Советской власти и скромная жизнь на папину зарплату.

С малых лет Вероника Тушнова, биография которой всю жизнь была связана с поэзией, увлекалась поэзией и живописью, сочинять стихи начала рано.

Школа № 14 имени А. Н. Радищева с усиленным изучением иностранных языков, в которой училась Вера, считалась одним из лучших заведений города Казани, поэтому неудивительно, что столь прилежная ученица хорошо владела английским и французским. Также ученице хорошо давалась литература; ее одаренность в этой сфере заметил школьный преподаватель Скворцов Борис Николаевич, часто зачитывавший вслух сочинения Тушновой в качестве образцовых.

Далее, по настоянию отца, характеризовавшегося властным, можно даже сказать, деспотичным характером, Вера в 1928 году стала студенткой медицинского факультета института. В 1931 году, в связи с назначением родителя на новое место работы, семья переехала в столицу, в квартиру на Новинском бульваре, полученную за заслуги на медицинском поприще, а в 1936 году, после смерти Михаила Павловича, – в Ленинград, где Вера продолжила обучение и получила диплом врача.

Четырех лет учебы для молодой девушки оказалось достаточно, чтобы понять ошибочность выбора жизненного пути. Ей больше по нраву были занятия живописью и поэтические пробы пера.

В 1938 году Вера вышла замуж за известного психиатра Юрия Розинского, от которого родила дочь Наталью в 1939 году. Однако первый брак оказался скоротечным и быстро распался. Что стало этому причиной – никому не известно.

Стихи Вероники Тушновой впервые были опубликованы в 1938 году; в послевоенный период поэзия вошла в ее жизнь навсегда. В 1941 году молодая женщина, желая всерьез и профессионально заниматься поэзией и филологией, поступила в Литературный институт имени Горького.

Приход войны не дал возможности учиться.

С больной мамой и ребенком (отца к тому времени уже не было в живых) она переехала в Казань, где устроилась работать в нейрохирургический госпиталь для раненых бойцов Красной Армии палатным врачом.

Биография Вероники Тушновой продолжилась в тяжелой, изнуряющей работе, не мешавшей творить: в ночные дежурства девушка все время что-то писала, за что больные ласково называли ее «доктор с тетрадкой».

Зимой 1943 года вернулась в Москву в качестве врача-ординатора в госпитале. В 1944 году в издании «Новый мир» было опубликовано ее стихотворение «Хирург», посвященное Н. Л. Чистякову - операционному опытному эскулапу, ее коллеге по госпиталю.

Вся дальнейшая жизнь Вероники Тушновой была связана с поэзией - она в её стихах, в её книгах, ибо её стихи, предельно искренние, исповедальные порой напоминают дневниковые записи. Из них мы узнаём, что муж оставил её, но подрастала зеленоглазая, похожая на отца, дочь, и Вероника надеялась, что он вернётся: « Ты придёшь, конечно, ты придёшь, в этот дом, где наш ребёнок вырос».

Расставание с первым мужем Тушнова переживала очень тяжело, и именно в те дни у неё и родились проникновенные строки, на которые в последствии написал музыку популярный композитор-песенник Марк Минков.

И он действительно пришёл. Но всё произошло совсем не так, как она себе это представляла долгие годы, мечтая о его возвращении. Пришёл, когда заболел, когда ему стало совсем плохо. И она не отреклась... Она выхаживала его и его больную мать. «Здесь меня все осуждают, но я не могу иначе... Всё же он - отец моей дочери», - сказала она как-то Е. Ольшанской.

Неизвестно, при каких обстоятельствах и когда точно познакомилась Вероника Тушнова с поэтом и писателем Александром Яшиным (1913-1968), которого она так горько и безнадежно полюбила и которому посвятила свои самые прекрасные стихи, вошедшие в ее последний сборник «Сто часов счастья». Безнадежно — потому что Яшин, отец семерых детей, был женат уже третьим браком. Близкие друзья шутя называли семью Александра Яковлевича «яшинским колхозом».

☐Старая, как мир история. История любви двух немолодых, людей. Счастливая и трагическая. Светлая и грустная. Рассказанная в стихах.

Они стали лирическим дневником любви и разлуки не только Вероники Тушновой, но и миллионов влюблённых женщин.

Последняя, вышедшая при жизни Тушновой книжка «Сто часов счастья» — вся о об этой огромной, сжигающей любви..... Любовь была тайной. Любовь была грешной. Вероника, видимо, не позволила себе разрушить его семью, потому что, как мудрая женщина, понимала: на чужом несчастье счастья не построишь.

***Хмурю землю стужа сковала,
небо по солнцу затосковало.
Утром темно, и в полдень темно,
а мне всё равно, мне всё равно!
А у меня есть любимый, любимый,
с повадкой орлиной, с душой голубиной,
с усмешкою дерзкой, с улыбкою детской,
на всём белом свете один-единый.
Он мне и воздух, он мне и небо,
всё без него бездыханно и немо...
А он ничего про это не знает,
своими делами и мыслями занят,
пройдёт и не взглянет, и не оглянется,
и мне улыбнуться не догадается.
Лежат между нами на веки вечные
не дальние дали — года быстротечные,
стоит между нами не море большое
— горькое горе, сердце чужое.
Вовеки нам встретиться не суждено...
А мне всё равно, мне всё равно,
а у меня есть любимый, любимый!***

<Вероника Тушнова>

Они родились в один день — 27 марта, встречались тайно, в других городах, в гостиницах, ездили в лес, бродили целыми днями, ночевали в охотничьих домиках. А когда возвращались на электричке в Москву, Яшин просил Веронику выходить за две-три остановки, чтобы их не видели вместе. Сохранить отношения в тайне не получилось. Друзья осуждают его, в семье настоящая трагедия. Разрыв с Вероникой Тушновой был предопределен и неизбежен.

Красавица с выразительным лицом, глазами необыкновенной глубины. Умница. По воспоминаниям друзей, она была очень светлым и теплым человеком. Умела дружить. Умела ЛЮБИТЬ....

Читаешь её стихи и понимаешь: чувство было настоящим, мучительным, страстным. Не легкая интрижка, а любовь, которая становится смыслом жизни, самой жизнью. Любовь, о которой втайне мечтает каждый из нас. Правда, и платить за такое горение чувств приходится дорого.

Порой, жизнью.

**Ты всё еще тревожишься — что будет?
А ничего. Все будет так, как есть.
Поговорят, осудят, позабудут,—
у каждого свои заботы есть.
Не будет ничего... А что нам нужно?
Уж нам ли не отпущено богатств:
то мрак, то свет, то зелено, то вьюжно,
вот в лес весной отправимся, бог даст...
Нет, не уляжется, не перебродит!
Не то, что лечат с помощью разлук,
не та болезнь, которая проходит,
не в наши годы... Так-то, милый друг!
И только ночью боль порой разбудит,
как в сердце — нож...
Подушку закушу и плачу, плачу, ничего не будет!
А я живу, хожу, смеюсь, дышу...**

Александр Яковлевич Яшин - поэт, прозаик. В годы Отечественной войны ушёл добровольцем на фронт и в качестве военного корреспондента и политработника участвовал в обороне Ленинграда и Сталинграда, в освобождении Крыма. Он был красивым и сильным человеком. Среди тех, кто его ценил и любил, очень разные люди. Добрыми отношениями с Яшиным дорожили Пришвин, Чуковский, Симонов, Тендряков, Николай Рубцов.... Что делать, если любовь пришла на излете молодости? Что делать, если жизнь уже сложилась, как сложилась? Что делать, если любимый человек несвободен? Запретить себе любить? Невозможно. Расстаться – равносильно смерти. Но они расстались. Так решил он. А ей ничего не оставалось, как подчиниться.....

**Гонит ветер туч лохматых клочья,
снова наступили холода.
И опять мы расстаёмся молча,
так, как расстаются навсегда.
Ты стоишь и не глядишь вдогонку.
Я перехожу через мосток...
Ты жесток жестокостью ребёнка —
от непонимания жесток.
Может, на день, может, на год целый
эта боль мне жизнь укоротит.
Если б знал ты подлинную цену
всех твоих молчаний и обид!
Ты бы позабыл про всё другое,
ты схватил бы на руки меня,
поднял бы и вынес бы из горя,
как людей выносят из огня.**

В 1965 году она, красивая черноволосая женщина с печальными глазами (за характерную и непривычную среднерусскому глазу красоту ее иногда называли «восточной красавицей»), с мягким характером, любившая дарить подарки не только близким, но и просто друзьям, вынуждена была лечь в больницу с диагнозом «рак». Александр Яшин, конечно, навещал её.

Марк Соболев, долгие годы друживший с Тушновой, стал невольным свидетелем одного из таких посещений.

Из воспоминаний Марка Соболя: «Я хочу рассказать вам один эпизод. Может, рискованно и рановато его рассказывать, но главных героев нет уже в живых, и я тоже не бессмертен.

Вероника умирала — и почти знала об этом. Лечащий ее профессор сказал: «Я тебя выцарапаю!» Не знаю, верила ли она в это полностью, но капля надежды оставалась.

Я, придя к ней в палату, пытался ее развеселить. Она взмолилась: не надо! Ей давали злые антибиотики, стягивающие губы, ей было больно улыбаться.

Выглядела она предельно худо. Неузнаваемо.

А потом пришёл — Он! Вероника скомандовала нам отвернуться к стене, пока она оденется. Вскоре тихонько окликнула: «Мальчики...»

Я обернулся — и обомлел. Перед нами стояла — красавица! Не побоюсь этого слова, ибо сказано точно. Улыбающаяся, с пылающими щеками, никаких хворей вовеки не знавшая молодая красавица.

Как она хохотала, как была оживлена, как вдруг все вернулось на двадцать лет назад! И тут я с особой силой ощутил, что все, написанное ею, — правда.

Абсолютная и неопровержимая правда. Это не выдумка поэта, а то, что обеспечено золотым — и горьким — запасом жизни. Наверное, именно это называется поэзией, а не наши порой упражнения в сопряжении худо-бедно организованных и зарифмованных строк.»

В последние дни перед смертью Вероника Михайловна запретила пускать к себе в палату Александра Яковлевича. Она хотела, чтобы любимый запомнил ее красивой и веселой. А на прощанье написала: ☐

***Я стою у открытой двери,
я прощаюсь, я ухожу.
Ни во что уже не поверю, –
все равно напиши, прошу!
Чтоб не мучиться поздней жалостью,
от которой спасенья нет,
напиши мне письмо, пожалуйста,
вперед на тысячу лет.
Не на будущее, так за прошлое,
за упокой души,
напиши обо мне хорошее.
Я уже умерла. Напиши!***

На 51-м году жизни – 7 июля 1965 года – Вероники Михайловны Тушновой не стало.

Яшин понял, что любовь никуда не делась, не сбежала из сердца по приказу. Любовь только затаилась, а после смерти Вероники вспыхнула с новой силой, но уже в ином качестве. Обернулась тоской, мучительной, горькой, неистребимой. Не стало родной души, по-настоящему родной, преданной... Вспоминаются пророческие строки Тушновой:

**Только жизнь у меня короткая,
только твердо и горько верю:
не любил ты свою находку –
полюбишь потерю.
Рыжей глиной засыплешь,
за упокой выпьешь...
Домой воротись – пусто,
из дому выйдешь – пусто,
в сердце заглянешь – пусто,
на веки веков – пусто!**

Наверное, в эти дни он до конца, с пугающей ясностью понял горестный смысл вековой народной мудрости: что имеем, то не ценим, потерявши – горько плачем. Всё, что почувствовал Яшин после ухода Вероники, он вместил в стихотворение.

**Думалось, все навечно, как воздух, вода, свет:
Веры ее беспечной, силы ее сердечной хватит на сотню лет.
Вот прикажу — и явится, ночь или день — не в счет,
Из-под земли явится, с горем любым справится, море переплывет.
Надо — пройдет по пояс в звездном сухом снегу,
Через тайгу на полюс, в льды, через «не могу».
Будет дежурить, коль надо, месяц в ногах без сна,
Только бы — рядом, рядом, радуясь, что нужна.
Думалось да казалось... Как ты меня подвела!
Вдруг навсегда ушла —
С властью не посчиталась, что мне сама дала.
С горем не в силах справиться, в голос реву, зову.
Нет, ничего не поправится:
Из-под земли не явится,
Разве что не наяву.
Так и живу...
Живу?
<Александр Яшин>**

**«Открываю томик одинокий –
Томик в переплёте полинялом.
Человек писал вот эти строки.
Я не знаю для чего писал он.
Пусть он думал и любил иначе
И в столетьях мы не повстречались...
Если я от этих строчек плачу,
Значит, мне они предназначались»**

Вероника Тушнова